ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»»

На правах рукописи

Сарана Наталья Владимировна

ТРАДИЦИЯ АНГЛИЙСКОГО РОМАНА ВОСПИТАНИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1840-1860-х гг.

Резюме

диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук НИУ ВШЭ

Научный руководитель: доктор филологических наук Е.Н. Пенская

В настоящей диссертационной работе сделана попытка выявить и подвергнуть анализу характерные случаи рецепции британского романа воспитания в русской прозе 1840—1860-х годов, уточнить неоднозначную природу этих отношений, описать характер рецепции с учетом отсутствия четкого жанрового определения романа воспитания при вариативности и многообразии методологических подходов.

Сюжетная структура и поэтика английского романа воспитания XIX века обусловлены спецификой викторианской эпохи. Герой в английском романе — прежде всего ученик. Он проходит обучение в школе жизни, усваивает практические навыки и правила существования в современном ему обществе. Его путь складывается из проб и ошибок, тяжелых разочарований.

Обращение к литературе конца 1840-х -с1860-х обусловлено в первую очередь тем, что данную эпоху можно отнести к одной из кульминационных и своеобычных в истории взаимодействия английской и русской литературы. Период с 1840-х по 1860-е гг. в русской истории и культуре — это период интенсивного формирования многосоставного образа Великобритании как сложного комплекса реальных и мифологизированных элементов. В русском культурном сознании образ Англии, английская тема как средоточие культурных, художественных, политических реалий становятся предметом пристального внимания. Это связано с определенными историческими событиями, прежде всего, с Крымской войной.

К этому же периоду относится появление ключевых английских романов в жанре романа воспитания, возникновение которых было подготовлено первыми попытками рецепции немецкого романа воспитания в английской литературе 1820-1830-х гг.

Принципы классификации различны, а морфология викторианского Bildungsroman представляет собой смесь структурных и нарративных признаков. Такая пестрая исследовательская палитра, с одной стороны, ставит в тупик, а с другой - оправдывает попытку диагностировать отражение в русской прозе основных жанровых комбинаций: романа о художнике, романа

карьеры, женского романа и других, а также рассмотреть детали каждого из подвидов в их комбинациях и неоднозначных проекциях.

В викторианском романе воспитания также широк репертуар авторских функций: центральный персонаж может стать автором романа (Артур Пенденнис в результате всех жизненных испытаний сам пишет романную историю); в других ситуациях автор сохраняет за собой всеведение, право на опеку читателя и поучительный комментарий. Система персонажей в романе воспитания тоже в свою очередь соответствовала закрепленному набору амплуа; переход персонажа из одной категории в другую, слом перегородок между заданными траекториями движения в романной схеме воспринимался как сознательный жест, проявление авторской воли и вызывал повышенное внимание читателя.

Все эти подвижные константы, интригующие парадоксы британской ипостаси романа воспитания воспринимались русской аудиторией с большой благосклонностью и нашли благоприятный отклик в той игровой фельетонной среде, которая сложилась в русской журналистике 1840-1860-х годов. Полемика, журнальные мистификации, стали теми необходимыми атрибутами, что помогали «присваивать» и осваивать английский роман воспитания, редуцировать различия между культурными реалиями.

Предметом исследования послужили наиболее характерные случаи, в которых прослеживается взаимодействие английского романа воспитания и русской беллетристики примерно трех десятилетий XIX века. Выбранные нами произведения попадают в две категории: одни хорошо известны русскому читателю, обсуждались в журнальной критике, сохранили свою значимость и сегодня, другие принадлежат авторам, которые забыты или не столь хорошо знакомы широкой аудитории. Подобное соотнесение двух измерений наш сознательный выбор, поскольку отечественная беллетристика как сопровождение и не в последнюю очередь контекст произведений первого ряда позволяет объемно рассмотреть пути рецепции британского романа воспитания, его поэтики, а также увидеть сквозь русскую

призму спектр острых социальных и политических вопросов, которые стоят перед героями, осознать способы их схожих или, наоборот, противоположных решений в обстоятельствах разных культурных традиций, прямых и косвенны, очевидных и скрытых пересечений, прослеживаемых на разных уровнях, в том числе типологическом, и в разных историко-литературных системах координат.

В фокусе нашего внимания - сюжетные и фабульные коллизии, тематический репертуар, специфика нарратива английского романа воспитания и их проекции в русской беллетристике. В 1840 - 1860 – е годы, когда наиболее интенсивно осваивается в русской культуре викторианский роман воспитания, они становятся объектом пристальной рефлексии в русской словесности. Особенности этой рефлексии мы рассматриваем на примере романов Гончарова «Обыкновенная история», Писемского «Тысяча душ», Жадовской «Женская история» и других беллетристических сочинений этого времени, связанных с кругом тем, особенностей сюжета, что были хорошо знакомы русской аудитории прежде всего по романам Диккенса и Теккерея.

Логика нашего выбора может быть объяснена двумя причинами:

- 1) достаточно высокой концентрацией деталей британского романа воспитания в повествовательной ткани отечественной беллетристики этого периода, концентрацией элементов, присутствующих в скрытых и во вполне узнаваемых формах,
- 2) наличием исследовательских лакун в изучении того, что можно назвать «морфологией» жанра британского романа воспитания, его строения, памяти, анализа сквозных интерпретаций русскими прозаиками, способа их включения в собственные тексты, а также соотнесения этих деталей в сравнительной перспективе.

В центре нашего исследования находится анализ сюжетостроения романов, а также функционирование персонажей в пространстве сюжета. Мы опираемся на разработанные в отечественном литературоведении сюжетологические подходы, то есть те подходы, что сконцентрированы на

изучении сюжета как способа организации повествования в литературном В произведении. отечественном литературоведении сюжетология представлена уже в работах А.Н. Веселовского (к примеру, в «Поэтике сюжетов») [Веселовский, 1989]. Для нас были важны труды В.Я. Проппа [Пропп, 1928], В.Б. Шкловского [Шкловский, 1921], Б.В. Томашевского [Томашевский, 1999], М.М. Бахтина [Бахтин, 1979], Ю.М. Лотмана [Лотман, 1970; Лотман, 1998] и других российских исследователей [Левитан, Цилевич, 1990; Маркович, 1991; Акимова, 2008; Печерская, Никанорова, 2010]. Работы по нарратологии также представляют интерес в рамках изучения сюжетных конструкций беллетристического произведения, в первую очередь работы В. Шмида [Шмид, 1981; Шмид, 1998; Шмид, 2001; Schmid, 2003; Шмид, 2012; Шмид, 2008; Шмид, 2014].

Актуальность исследования

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разноаспектного изучения русской прозы 1840-1960-х годов как сферы с высоким сюжетным потенциалом, насыщенность образными, смысловыми коллизиями которой усиливается в зависимости от степени воздействия инокультурного жанрового опыта. Соединение русской и английской традиции романа воспитания в этот период дает возможность оценить степень экспериментальности новых прозаических форм, рожденных в результате такого жанрового симбиоза. Художественная и эстетическая рефлексия русских беллетристов по поводу викторианского Bildungsroman позволяет наметить типологические закономерности творческого соединения его элементов, осознанно или спонтанно включенных в повествовательную ткань произведений, и выявить алгоритмы картографирования тематики и сюжетов в репертуаре русской прозы 1840—1860-х годов.

Научная новизна исследования состоит в выявлении сюжетных конструкций английского романа воспитания, доминирующих в русской беллетристике 1840—1860-х годов (классический сюжет становления джентльмена, история карьеры главного героя и женский роман воспитания); рассмотрении беллетристики 1840—1860-х годов сквозь призму освоения элементов сюжетов, структуры, нарратива викторианского романа воспитания; расширении компаративистской историографии изучения жанра.

Объект исследования

Объектом исследования являются произведения русской прозы 1840—1860-х гг., которые в разных формах осваивают сюжетные конструкции английских романов воспитания XIX века.

Предмет исследования

Предметом исследования является морфология викторианского романа воспитания, а также характер отбора и динамика концентрации элементов данного жанра в русской прозе второй трети XIX века.

Материал исследования

Материалом исследования послужили произведения русской прозы, литературная критика (литературно-критические статьи, рецензии, обзоры), публицистика, переводы английских романов воспитания, опубликованные в отечественной периодике 1840—1860-х годов.

Цель и задачи исследования

Цель работы — исследовать логику влияния и модификацию сюжетных конструкций английского романа воспитания в беллетристических произведениях 1840- 1860-х годов.

Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

1) сформировать исследовательскую базу и корпус материалов периодики и отдельных изданий 1840—1860-х годов;

- 2) выявить наиболее популярные сюжетные конструкции английского романа воспитания в русских литературных произведениях 1840—1860-х годов;
- 3) рассмотреть трансформацию исходного сюжета английского романа воспитания в русских беллетристических произведениях исследуемого периода;
- 4) классифицировать пути освоения и трансформации на русской почве сюжетов, разработанных в английском романе воспитания.

Методы исследования

Методологическую базу диссертационной работы составляют историколитературный и структурно-типологический методы. Подходы к анализу беллетристики, ее функций в историко-литературном процессе основаны на классических исследованиях Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума, В.В. Виноградова, Ю.М. Лотмана. Основные категории сюжета изучаются в контексте работ А.Н. Веселовского, Б.В. Томашевского, Ю.М. Лотмана и В. Шмида. Также в диссертационной работе учитываются исследования, посвященные изучению западноевропейского и русского романа воспитания (Ф. Моретти, Х. Брафорд, С. Хоув, Е. Краснощекова и др.).

Теоретическая значимость исследования

Значимым для науки является описание сюжетных констант английского романа воспитания и их русских вариантов в беллетристике 1840 -1850-х годов; исследование русского романа воспитания как экспериментального пространства cзрения точки типологических закономерностей «усвоения» и «переработки» актуальных викторианских системный типов повествования; анализ структуры, семантики, комбинаторики сюжетных деталей английского романа воспитания на русской почве; введение в научный оборот нового историко-литературного и теоретического материала в контексте сюжетологических исследований.

Практическая значимость исследования

Результаты исследования могут быть использованы при разработке курсов по литературоведению, а также по истории европейской и русской литератур, а также могут быть положены в основу учебных пособий по истории русской литературы XIX века. Собранный материал (беллетристические произведения, литературная критика) может быть использован при составлении аннотированных указателей беллетристических произведений.

Положения, выносимые на защиту

- 1. 1840—1860-е годы - один из кульминационных периодов в истории русско-британских литературных связей. Английский роман воспитания как доминирующий жанр в литературе викторианской эпохи становится центром пересечения, диалога и взаимного притяжения двух национальных жанровых традиций, британской и русской. Сохраняя свои особенности. национальные на русской почве элементы видоизменяются и обретают новые коннотации. Прорастание в ткань русской прозы корректирует морфологию жанра, добавляя или, наоборот, редуцируя структурные элементы.
- 2. В исследуемом нами периоде можно выделить три наиболее повторяющиеся сюжетные конструкции: классическая история становления главного героя в современном ему обществе; история/роман карьеры; женский роман воспитания. Их составляют различные сюжетные элементы источников (английских романов воспитания XIX века): сюжетные ситуации и их комбинации, функции персонажей и повествователя. Наиболее часто воспроизводимыми являются сюжетные конструкции романов воспитания У. Теккерея, Ш. Бронте и Ч. Диккенса.
- **3.** К 1860-м годам определяющую роль в усвоении английских «воспитательных» сюжетов играют критика и переводы. Журнальные статьи

и критические обзоры переводов английских романов воспитания, таких как «Джейн Эйр» и «Дэвид Копперфильд», существенно влияют на выбор беллетристами тех или иных сюжетных ходов английского романа воспитания. Переводы также фокусируют внимание беллетристов на определенных сюжетных элементах романа воспитания, регулируя процесс адаптации «воспитательного» сюжета, что можно наблюдать в случае с переводами И.И. Введенского ключевых английских романов воспитания XIX века.

4. Рецепция проходит в исследуемый период несколько стадий: от первоначального усвоения, монтажного «пробного» соединения разных типов повествования, популярных к 1840-м годам и только набирающих известность (от Диккенса к Теккерею) у Гончарова - к полемике с жанром, преодолению (А.Ф. Писемский) и адаптации сюжета к русским политическим и социальным реалиям (женский роман воспитания 1860-х годов). К концу изучаемого периода можно говорить о переходе сюжетных конструкций английского воспитания в разряд завершающих его условную историю романа ассимиляции литературных экспериментов (И. Кущевский). Таким образом, английский роман воспитания, обращенный к российским реалиям, становился для русской культуры стимулом новых рецептивных открытий и поиском новых художественных решений, провоцировал переосмысление самой природы и назначения романного жанра в русской литературе изучаемого периода.

Структура работы

Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы.

В первой главе «История изучения европейского романа воспитания и его генезис. Некоторые аспекты теории жанра Bildungsroman» представлена концептуальная история изучения жанра английского романа воспитания от истоков до новейших исследований; конспективно намечен генезис жанра

романа воспитания в западноевропейской литературной традиции к середине XIX века.

Во второй главе «Роман И.А. Гончарова «Обыкновенная история» и викторианский Bildungsroman. Аспекты рецепции» повествовательная ткань романа воспитания «Обыкновенная история» Гончарова анализируется как экспериментальное повествование, в котором, благодаря ее памяти о «монтажной» очерковой поэтике сочинений «натуральной школы», нашли отражение детали романа Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби», переведенного В.А. Солоницыным и опубликованного в журнале «Библиотека для чтения» в 1840 году, что обсуждалось в процессе работы Гончарова над романом «Обыкновенная история». В.А. Солоницын как «диккенсовский» типаж был для Гончарова кем-то вроде живого посредника толкователя романов воспитания Диккенса. Кроме τογο, образы викторианской Англии, ставшие приметами британского Bildungsroman, намечаются в портретных описаниях «Обыкновенной истории» и в книге очерков «Фрегат Паллада». Прямые «морфологические» пересечения в конструкции сюжета И деталях системы персонажей «Обыкновенная история» и «История Пенденниса» Теккерея, вышедшем двумя годами позднее, позволяют говорить о схожем опыте романистов, работающих в одной и той же системе жанровых, образных и смысловых координат, близости повествовательной оптики – английской и русской, что подтверждается словно бы параллельным «проектированием» ситуаций в романах воспитания, только существующих в разных культурных средах (параграф 2.1 «Обыкновенный» сюжет И.А. Гончарова между Ч. Диккенсом и У. Теккереем»). Тема утраченных иллюзий, разработанная еще Бальзаком в его одноименном романе (вышедшем в трех частях между 1836 и 1843 годом), получает небальзаковскую интерпретацию, редуцирующую остросюжетные перипетии и повествовательный драматизм в сторону обыденности, обыкновенности, заурядности событий. В этом смысле и Гончаров, и Теккерей каждый по-своему совпадают в «оппонировании» французской версии романа

дальнейшее воспитания. Мы также прослеживаем усвоение этой «оппонирующей» намеченной Гончаровым, «монтажной», практики, беллетристами 1850-x С.П. Колошиным второстепенными ГОДОВ параграфе Н.Ковалевским втором «Проекции во главы сюжета «Обыкновенной истории» в беллетристике середины XIX века: рассказ «Семейство Горнянских» (1851) Н. Ковалевского и повесть С.П. Колошина «Современный Недоросль».

В третьей главе «Божки нашего времени»: роман А.Ф. Писемского «Тысяча душ» и английский роман карьеры» мы обращаемся к анализу сравнительной типологии фигуры писателя, художника, как она выстраивается в романах воспитания «Тысяча душ» А.Ф. Писемского и «Истории Пенденниса» У. Теккерея. Калинович, Артур Пенденнис – оба героя по-разному имеют отношение к словесному творчеству, литературе. Литературная профессия рассматривается как составляющая делового направления и практического духа эпохи. В версии Писемского главный герой – это человек, для которого литераторство вполне прагматично и представляет собой веху на его карьерном пути. Литературный неуспех Калиновича является звеном в истории его карьерного, жизненного краха и поздней несчастливой женитьбы (параграф 3.1. «Роман карьеры в художественной и эстетической трактовке А.Ф. Писемского»). Артур Пенденнис в романе Теккерея проходит сложный путь становления, который заканчивается благополучным браком, кроме того, он - состоявшийся писатель, что подтверждается его авторством романа «Ньюкомы». Эволюция, которую проходит Пенденнис как художник, – это основа его взросления и усвоения уроков жизни. Условный автобиографизм сближает романы «Тысяча душ» и «История Пенденниса». Насыщенность реалиями современной жизни, английской и русской, английские контексты в романе «Тысяча душ», фабульная близость к авантюрному роману Теккерея «Карьера Барри Линдона» в ряде эпизодов позволяет говорить об особой полемичности романа воспитания Писемского в его «карьерном» изводе по отношению к романной стратегии Теккерея. Во втором параграфе данной

главы (3.2. «Английский «репертуар» в творчестве А.Ф. Писемского и его последователей») рассматривается продолжение линии Писемского в повести А. Андреева «Для приискания занятий. Похождения провинциального юноши» (1858).

Четвертая глава «Рецепция английского женского романа воспитания в русской женской прозе 1860-х гг.» посвящена анализу рецепции сюжета английского женского романа воспитания «Джейн Эйр» Ш. Бронте в русской женской прозе 1860-х годов, его «конкуренции» в русском читательском обиходе с французской женской литературой, в частности с Жорж Санд (параграф 4.1 «Роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» как претекст произведений русской женской прозы 1860-х гг.»). Во втором параграфе главы, «Рецепция романа «Джейн Эйр» в романе Ю. В. Жадовской «Женская история» (1860) и в романе Е. А. Словцовой «Моя судьба» (1862)» анализируется «Женская Ю. Жадовской: обнаруживаются история» В тексте не только «реминисценции» из романа Ш. Бронте, но также учитывается и влияние тех журнальных дискуссий, которые развернулись вокруг творчества Ш. Бронте и переводческой стратегии И.И. Введенского.

В пятой главе «Структура сюжета в романе И.А. Кущевского «Николай Негорев, ИЛИ Благополучный россиянин» (1871)» МЫ анализируем малоизученный роман И.А. Кущевского «Николай Негорев, Благополучный россиянин» (1871) как экспериментальный которого автор обращается к сюжетным построении конструкциям английского романа воспитания, истории становления героя как жанру привычному и давно освоенному литературой.

История становления главного героя берется Кущевским в классическом варианте английского романа воспитания, связь с которым можно проследить в сюжетной структуре, которая напоминает не только сюжетную структуру «Давида Копперфильда», но и трилогии Толстого «Детство. Отрочество. Юность» (параграф 5.1 «История становления главного героя романа и английский роман воспитания").

Карьерный путь главного героя, схематично описанный самим автором на нескольких последних страницах романа, знаком русскому читателю отечественной беллетристики 1850—1870-х годов (параграф 5.2 «Карьера Николая Негорева как сборный сюжет").

Кущевский также воспроизводит сюжетные модификации английского женского романа воспитания (параграф 5.3 «Генезис персонажей в романе и контекст женского романа воспитания»). Таким образом, «Николай Негорев» как азбука жанра, литературный эксперимент, демонтаж и одновременно сборка повествования из готовых жанровых блоков представляется нам одним из итоговых звеньев рецепции романа воспитания в русской словесности.

В заключении подводятся итоги исследования.

Процесс усвоения сюжетных ходов английского романа воспитания в русской прозе, на наш взгляд, имеет свою хронологию и внутреннюю драматургию. В конце 1840-х и в 1850-е годы русские писатели только усваивали сюжетные конструкции, особенности нарратива, ОНИ складывались преимущественно в сочинениях Диккенса и Теккерея, двух конкурирующих кумиров русской публики. Хотя викторианский роман переводится и обсуждается активно, каждый новый роман становится горячо ожидаемым событием, его непосредственное воздействие на литературную практику отечественных литераторов еще неочевидно и опознается лишь косвенно в той физиологической очерковости жанров, что доминирует в русской словесности того времени. Однако в «экспериментальности» художественного полотна романа Гончарова «Обыкновенная история» совсем не буквально просвечивают и опознаются приметы романов Диккенса, а также более широко - угадывается «викторианское начало», что позволяет расширить литературную родословную романа, в которой исследователи традиционно видели лишь ориентацию на немецкий роман воспитания. Именно этот английский срез «Обыкновенной истории» будет расслышан Гончарова, последователями беллетристами второго ряда,

ориентирующимися на воспроизведение сюжетной канвы гончаровского романа.

В конце 1850-х годов сюжетная конструкция романа воспитания становится привычной; английские «воспитательные» сюжеты переосмысляются и получают новые акценты в истории развития карьеры главного героя. Так, Писемский в романе «Тысяча душ» выстраивает карьеру своего героя, учитывая прозаические опыты Теккерея, словно бы соизмеряет сюжетные детали и систему персонажей, порожденных отечественными обстоятельствами, устройством культуры и социума с теккереевской традицией. Литераторство, литературный мир, литература как профессия — эти коллизии становятся центральными испытаниями в общей цепи романных событий. Роман карьеры включает в этих версиях подвид романа воспитания — роман о художнике.

В 1860-е годы английский роман воспитания, соседствуя, а в чем-то конкурируя с французской линией, ее жорж-сандовским типом, усваивается женской прозой. В контексте дискуссий, развернувшихся вокруг «женского вопроса», викторианская трактовка образа «новой женщины» приводится как аргумент в полемике. Прямое или опосредованное воздействие романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» породило в 1860-х годов целый пласт гендерной беллетристики, в которой образ русской женщины близок дидактическим английским образцам.

К концу изучаемого нами периода «воспитательный» сюжет уже настолько освоен в русском литературном контексте, что вбирает в себя все возможные беллетристические элементы — приключенческие, авантюрные, перерабатывая все, что циркулирует, издается, обсуждается в критике и публикуется в журналах. Анализ романа И. Кущевского «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» с точки зрения использования сюжетных конструкций романа воспитания, в том числе английских, дает возможность говорить о том, что роман воспитания становится вполне удобным поводом и почвой для литературных экспериментов, поскольку жанровая форма и язык

биографического описания разработаны и достаточно хорошо освоены писателями и читательской аудиторией. Таким образом, неожиданное сближение романа Гончарова и романа Кущевского как двух литературных «лабораторий» в начале и в конце нашей работы, экспериментальная полемичность Писемского по отношению к Теккерею, контроверзы гендерного литературного диалога в пространстве воспитательного романа этой эпохи корректируют наши представления об истории обращений русских писателей к викторианскому романному опыту, позволяют уточнить природу жанра русского романа воспитания, а также особенности русско-британских литературных связей второй половины XIX века.

Основные положения работы обсуждались на аспирантских семинарах школы филологии НИУ — ВШЭ, факультета славистики Кембриджского (Кембридж, Великобритания) и Гумбольдтовского (Берлин, Германия) университетов. Материалы представлены на семи научных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Кембридже и Берлине. Основные результаты диссертационного исследования отражены в трех статьях, опубликованных, в том числе, в изданиях, рекомендованных ВАК:

- «Русская «Дженни Ир»: Рецепция творчества Шарлотты Бронте в романе Ю.В. Жадовской «Женская история» (1860) // Вестник Московскогоуниверситета. Серия 9. Филология. 2018. No 3. C.173-181.
- Английский «соперник» романа Гончарова: обыкновенная история или простая? // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. No 1. C. 262-267.
- Английский «репертуар» как элемент полемической рецепции А.Ф. Писемского // В кн.: Русская филология. 27: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Tartu University Press, 2016. С. 82-92.